

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О МЕМУАРАХ ЕКАТЕРИНЫ II*

Императрица Екатерина II — одна из самых популярных личностей в русской истории. Принцесса из небольшого немецкого княжества, незаконно взойшедшая на престол и благополучно занимавшая его почти тридцать пять лет, не допустив к трону сына и наследника, «самая русская из русских императриц», один из лучших образцов мудрого правления и один из ярчайших примеров самовластия, «Минерва» и «Мессалина» на троне — сама Екатерина, ее царствование и созданные ею произведения на протяжении уже более двух веков являются предметом не только дискуссий, но и фантазий и спекуляций. В связи с этим особенно ценно появление научных и взвешенных исследований мемуарного творчества императрицы, каким, безусловно, является вышедшая в 2015 году новая книга известного болгарского специалиста по русской литературе XVIII века, профессора Софийского университета Ангелины Вачевой. Монография Вачевой посвящена самому читаемому, многократно переиздававшемуся и, вероятно, самому скандальному произведению Екатерины II — ее автобиографическим запискам. Книга представляет собой диологию, каждая из частей которой посвящена достаточно автономному аспекту поэтики записок. Первая часть этой диологии является автопереводом на русский язык ранее вышедшей на болгарском монографии «Роман императрицы. Романский дискурс в автобиографических записках Екатерины II» (2008), а вторая составлена из ранее опубликованных и частично переработанных статей, объединенных общим заглавием «Проблема „просвещенного монарха“ в автобиографии императрицы Екатерины II». Сам по себе факт появления русского перевода такого исследования в современных условиях, когда большинство ученых, в том числе и российских, стремятся публиковать свои работы по-английски, не может не радовать. Обращение автора преимущественно к русскому читателю, несомненно, значительно

расширяет аудиторию книги, и можно только сожалеть о том, что она издана небольшим тиражом и не попала в российские книжные магазины.

Что же касается объединения под одной обложкой (но не в едином тексте) двух книг, имеющих самостоятельные заглавия, то в этом отношении нельзя не отметить очень удачно предложенную самой А. Вачевой метафору памятной медали, в которой аверс и реверс представляют собой разные формы выражения одной идеи, а искусство медальера символически воплощает политическое послание. Таково же, по мнению исследовательницы, и сочетание литературности и публицистичности в мемуарных записках императрицы, преследующее одну цель: оставить в истории образ сильной и постоянно совершенствующейся личности, неуклонно шедшей к своей главной миссии — управлению великой страной, в противопоставление образу слабого супруга, недостойного подобной участи. В первой части монографии записки Екатерины проанализированы в контексте поэтики западноевропейского романа, а во второй — с точки зрения содержащихся в них публицистических посланий, связанных с поиском образа идеального государя, и эти стороны одной медали показаны не только во взаимодействии, но и в противостоянии друг другу.

Как справедливо отмечает исследовательница, автобиография Екатерины представляет собой один из лучших образцов мемуарного жанра в русской культуре последней трети XVIII столетия, отличается сложнейшей поэтикой и во многих отношениях является очень трудной для изучения. Историографический очерк, данный в начале первой главы, наглядно демонстрирует всю сложность изучаемого текста и многообразие проблем, которые стояли перед исследователями, обращавшимися к нему. Еще с XIX столетия большинство ученых, занимавшихся записками Екатерины, относились к ним как к нефикциональному тексту, дающему субъективную, но в целом достоверную картину позднего периода елизаветинского царствования. Даже работы, посвященные проблеме мифотворчества в автобиографии Екатерины, прежде всего рассматривают ее

* Вачева А. Потомству Екатерина II. Идеи и нарративные стратегии в автобиографии императрицы. София: Университетское издательство «Св. Климент Охридский», 2015. 717 с.

политическую составляющую, обращая внимания на умолчания, целенаправленную перестановку акцентов, т. е. отталкиваясь от вопросов достоверности изложения информации. На этом фоне монографию Вачевой отличает подход к запискам императрицы как к художественному тексту, соединившему поэтику западноевропейского романа и философского трактата с публицистикой и конвенциями автобиографического письма. Французский язык, на котором написаны мемуары, по мнению исследователя, здесь выступает своеобразным языком кодирования, позволившим автору апеллировать к топике западноевропейского романа и одновременно включить в текст арсенал публицистических посланий, заимствованных из классицистической литературы. Таким образом, считает Вачева, Екатерине удалось представить себя в излюбленной ею роли посредника между русской и западноевропейской культурой, в том числе и в сфере русской литературы. Вачева также обращает внимание на образ активной женщины-писательницы (в данном случае выступающий как одна из ипостасей женщины-философа на троне), сознательно подчеркиваемый Екатериной и сыгравший особую роль в контексте нарождающегося феминизма и постепенно складывающегося процесса женской эмансипации. Все эти обстоятельства, а также явная адресация екатерининского текста к будущему читателю, к потомкам, позволили Вачевой обратиться к исследованию нарративной структуры записок с использованием методов топологического и интертекстуального анализа. В этом отношении монография Вачевой является без преувеличения первым опытом целостного литературоведческого прочтения текста екатерининских мемуаров, что также очень отраднo в контексте общего увлечения культурологическими и антропологическими изысканиями в гуманитарной научной сфере последнего полувека.

В целом следует отметить, что диалогия Вачевой, с одной стороны, написана в лучших традициях фундаментальных историко-литературных трудов XX века, с подробным историографическим обзором и блестящим знанием как материала, так и контекста, и в то же время ее автора отличает превосходное владение современными подходами, методологией и ресурсами, которые предоставляет нам технический прогресс, а также умение работать на микроуровне текста и предлагать одновременно изящные и убедительные интерпретации и выводы.

Как уже было сказано, изданная на русском языке книга, тем не менее, мало доступна современному российскому читателю. Поэтому существенная часть данной рецензии будет отведена пересказу основных положений монографии Вачевой.

Первая глава первой части диалогии начинается обзором основных редакций мемуаров Екатерины и литературы по этому вопро-

су. Несмотря на посвященные этой проблеме многочисленные исследования, по-прежнему до конца не решенными остаются вопросы о последовательности этих редакций, времени их создания и степени законченности текста. Каждый исследователь вынужден или прикинуть к уже ранее высказанным версиям, или предложить свою. Вачева в данном случае использует арсенал литературоведческих приемов, в частности, изучая разные редакции прежде всего с точки зрения жанровых конвенций. Опираясь на предложенную французским исследователем жанра автобиографии Ф. Лежемон концепцию автобиографического пакта, автор книги рассматривает посвящения графине П. А. Брюс и барону А. И. Черкасову, которыми снабжены разные редакции екатерининских мемуаров, а также силлогизм о счастье, предвещающий последнюю из них, в качестве такого автобиографического пакта. По мнению Вачевой, силлогизм своим научно-философским характером подчеркивает беспристрастность повествования, а своим содержанием раздвигает жанровые рамки текста, превращая автобиографию в трактат о воспитании монарха. Утверждая силлогизмом, что сущность счастья в сочетании личных интересов с общественными, Екатерина тем самым подчеркивала рациональную основу образа автора мемуаров как просвещенного монарха, противопоставляя ему отрицательный пример Петра III. По мнению Вачевой, завершенность силлогизма дает исследователям дополнительное основание считать эту редакцию последней, а текст ее законченным. Представляя в силлогизме счастье как плод личных усилий и результат самовоспитания, императрица в окончательном варианте автобиографии, которая представляет не просто этапы сознательной подготовки к власти, но духовную эволюцию личности, превратила ее в трактат о просвещенном монархе, адресованном непосредственному наследнику и потомкам в целом. Сам замысел автобиографии Вачева, вслед за рядом исследователей, относит к концу 1770-х годов, справедливо отмечая, что именно в этот период в окружении Екатерины, во многом по-прежнему воспринимавшем императрицу как регентшу, наступил своего рода кризис доверия, вызванный ее очевидным нежеланием передать власть сыну, достигшему совершеннолетия.

Анализируя жанровую эволюцию текста записок от первой редакции к последней, Вачева показывает жанровый контекст, в котором, по замыслу императрицы, должны были восприниматься мемуары. Это нефикциональные жанры (такие как сатирический очерк нравов, философские труды древних и современные политические трактаты), а также романы. Автор книги подчеркивает и гендерный аспект вопроса: мемуары создавались в эпоху нарастания процесса женской эмансипации, поэтому императрица не просто многократно противопоставляет собственное

мужественное поведение слабости своего супруга, но претендует на биографию великого человека, которая в этот исторический период является мужской прерогативой.

Обсуждение проблемы фикциональности екатерининских мемуаров логично подводит автора исследования к самому фикциональному в изучаемый период жанру, т. е. к роману. Показательно, что здесь смыкаются две ранее затронутые темы: роль вымысла в записках и гендерная идентификация. Роман в XVIII веке — один из немногих жанров, адресованных преимущественно женской аудитории. Мемуары в этом отношении также являются компромиссной формой, доступной женщинам не только как читателям, но и как авторам. Поэтому обращение к романной топике и способы ее присвоения Екатериной становятся предметом рассмотрения во второй главе первой книги.

Обращая внимание на идентичность фигур автора, повествователя и протагониста в записках императрицы (и, в частности, на то, что она пыталась писать свои мемуары от третьего лица, но быстро перешла к первому), Вачева высказывает гипотезу, согласно которой от редакции к редакции Екатерина успешно вырабатывала устойчивые интерпретации эпизодов из своей жизни, в результате чего многие из них получили устное хождение, превратившись в своего рода повествовательные модули. Предлагая во введении к этой главе подробный очерк читательского репертуара императрицы, Вачева называет две формы обращения мемуаристки к богатой традиции европейского романа. Во-первых, имитируя искренность, Екатерина успешно эксплуатировала привычные романские топосы, отвечающие читательским ожиданиям. Анализируя эти топосы с помощью электронной базы Международного общества по изучению романной топике (*Société d'analyse de la topique Romanesque — SATOR*), исследовательница выделяет наиболее значимые части мемуаров, организованные с использованием романских общих мест (топосы детства, например «разочарование родителей появлением дочери», «чудесное исцеление», «предсказания будущего», зрелости — «женственность и грация», брака — «брак по расчету», «неконсумированный брак» и т. д.). Отдельно анализируются типичные для романов и подчеркиваемые Екатериной формы эскапизма, протеста против несправедливости окружающих и борьбы за свою независимость: «уединение», «чтение», «использование мужского костюма и форм мужского поведения». Наконец, в завершение этого раздела дан подробный и точный анализ организации пространства в повествовании как противопоставление своего и чужого мира (своя комната и комната великого князя, покои и двор Елизаветы и т. д.).

Второй формой использования корпуса текстов западноевропейского романа в мемуарах Екатерины, по мнению Вачевой, явля-

ются прямые интертекстуальные заимствования. Выявлению таких связей посвящена третья глава. Автор книги останавливается на двух эпизодах записок: на любовной связи Екатерины с Сергеем Салтыковым и на ее отношениях с супругом, великим князем Петром Федоровичем. Анализируя эпизод с Салтыковым, Вачева показывает, как в рассказе об очень интимном эпизоде своей биографии Екатерина словно бы надевает маску чужого текста и романтизирует воспоминание о первой любви. По мнению Вачевой, для этой цели императрица использует фабулу романа французской писательницы М.-Ж. Риккони «Письма мисс Фанни Батлер» («активное ухаживание героя — долгое сопротивление героини — его предательство»). С большой вероятностью предполагая, что Екатерина была знакома с романом Риккони (точных сведений об этом нет, но у них был общий круг знакомых, в частности обе они были корреспондентками Ф.-М. Гримма и Д. Дидро), Вачева пишет о том, что императрице, несомненно, была близка концепция развития женского характера, предложенная Риккони, согласно которой достойный выход из любовной драмы дарит женщине бесценный жизненный опыт, дающий силы стать самостоятельной личностью с активной жизненной позицией.

Второй текст, на фоне которого Вачева рассматривает мемуары Екатерины — это роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристама Шенди». Этот раздел представляется одним из самых увлекательных в книге. Вачева проводит убедительные аналогии между занятиями дяди Тоби и капрала Трима, героев романа Стерна, и ребяческой страстью Петра III к фортификации и военному делу. Подчеркивая таким образом немужественное и недостойное поведение супруга, а также его неспособность быть мужем в прямом смысле слова, Екатерина подводит читателя к мысли о том, что Петр III не соответствует высокому назначению императора. В то же время, сама императрица обнаруживает поистине стернанский стоицизм («шендизм») и умение в самых тяжелых ситуациях сохранять способность к иронии и сарказму, превращая драматические эпизоды своей жизни в трагикомические. И наконец, Вачева вскрывает механизмы скрытого диалога с читателем, который ведет Екатерина с несомненной аллюзией на прямой диалог Стерна, многое оставляющий в намеках из-за невозможности «сказать все».

Таким образом, интертекст становится еще одним из способов мифологизации личности мемуаристки и ее окружения, направленных на утверждение ее права на российский престол. Логичным развитием этой темы, «второй стороной медали», является вторая книга диалогии под заголовком «Проблема „просвещенного монарха“ в автобиографии императрицы Екатерины II». Отправной точкой для этого аспекта исследования стал

вывод, к которому Вачева пришла еще в первой книге: последняя редакция записок Екатерины представляет собой не только апологию ее собственной жизни, но и трактат о воспитании просвещенного монарха. XVIII век, постепенно перешедший от идеи божественного происхождения власти к ее рациональному обоснованию, выдвинул целую плеяду монархов, опиравшихся на союз мысли и государственной политики в своем правлении: австрийские императоры Мария-Терезия и Иосиф II, прусский король Фридрих II, шведский и испанский монархи Густав III и Карл III и т. д. Их практика была созвучна исканиям современных им ведущих философов, обращавшихся к концепту «просвещенного монарха» в поисках способов гармонизации отношений власти и общества. К этому типу правителей относилась и Екатерина II, занявшая достойное место не только в русском, но и в общеевропейском контексте. И именно в екатерининской России многие европейские философы видели площадку для эксперимента в области соотношения философии и практики управления государством. Поэтому, создавая в мемуарах миф о себе, в сфере общественной жизни императрица обращалась к публицистическому дискурсу, основой которого являлась проблема просвещенного монарха как решающего фактора усовершенствования общества. Этим во многом объясняется, по мнению Вачевой, и динамичность екатерининской автобиографии: если ее ранние редакции отличает, прежде всего, критический самоанализ, то в поздних она все больше превращается в философский трактат о достоинствах государя. Источники создания этого трактата и являются предметом рассмотрения во второй книге Вачевой.

Первая глава посвящена исследованию собственного образа императрицы, созданного Екатериной в записках в соответствии с современными ей теориями «просвещенного монарха», но обращенного к авторам древности. В частности, Вачева анализирует интертекстуальные связи с двумя ключевыми для рассматриваемого дискурса текстами: «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха и «Размышлениями» Марка Аврелия. В контексте плутарховских жизнеописаний Екатерина, по мнению автора книги, скрыто идентифицирует себя прежде всего с Ликургом и Нумой Помпидом. Рассматривая свою законодательную деятельность как цивилизационный проект, который поддерживался некоторыми ее европейскими корреспондентами, Екатерина выступает, подобно Ликургу, создательницей «новой России», избранной, как Нума, из иноземцев не по роду, а по заслугам и добродетелям. Важным здесь также является сюжет самовоспитания и врожденных достоинств в духе «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха.

Обращаясь к «Размышлениям» Марка Аврелия, Вачева подчеркивает, что в дан-

ном случае Екатерина вступала в своеобразное соревнование за право быть философом на троне, так как этот образ уже имел закрепившиеся ассоциации с русской императрицей Елизаветой Петровной и прусским королем Фридрихом II. Тем не менее, мемуаристка исподволь подводит читателя к мысли о том, что она в равной с ними степени соответствует этому званию, так как обладает всеми качествами, необходимыми, согласно Марку Аврелию, просвещенному монарху: цельностью характера, здравым смыслом, умеренностью, чистой совестью, терпимостью, благожелательностью и строгостью без притворства. Наконец, сам факт обращения Екатерины к автобиографическому письму есть свойство разумной души, о чем тоже пишет Марк Аврелий в своих «Размышлениях». С другой стороны, судьба его сына, Луция Коммода, свергнутого с престола, является предостережением наследнику, цесаревичу Павлу, которому следует брать пример с сильной матери, а не со слабого и дурно воспитанного отца.

Наконец, обращаясь еще к одному очень значимому в европейской традиции тексту, т. е. к трактату Н. Макиавелли «Государь», Екатерина, по мнению Вачевой, вступает в диалог и даже спор не только со своим союзником Вольтером, но и со своим вечным противником Фридрихом II, автором трактата «Анти-Макиавель». В записках Екатерины обнаруживаются принципиальные расхождения с Фридрихом как в отношении к национальному прошлому, так и в вопросе о легитимности власти. Обращая внимание на это обстоятельство, Вачева убедительно показывает, как от первой редакции к последней Екатерина все чаще приуменьшает роль счастливой случая в своей жизни, подчеркивая целенаправленное развитие личности, стремящейся стать достойной трона. Вачевой также принадлежит тонкое наблюдение о том, что своего рода лакмусовой бумажкой макиавеллизма становится отношение обеих сторон к охоте. Екатерина, вслед за ренессансным автором, считает охоту важной частью воспитания будущего правителя, его испытанием и подготовкой к будущим сражениям как на поле боя, так и в политике. Фридрих же, как и Вольтер, считал охоту бессмысленным и расточительным занятием слабовольных людей, недостойных власти. Важны также и параллели с трактатом Макиавелли в бытовой сфере: императрица акцентирует свою любовь к чтению, организованность повседневной жизни, которые, согласно Макиавелли, являются несомненными достоинствами правителя. Завершая эту главу разделом о Макиавелли, Вачева показывает, как, с одной стороны, Екатерина постепенно обретала уверенность в себе, достаточную для того, чтобы вступить в спор со своими учителями, а с другой, еще раз проявила свойственную ей оригинальность мышления и склонность к поиску золотой середи-

ны, совместив позицию промакиавеллистов с философией Просвещения.

Во второй главе второй книги Вачева сосредотачивает внимание на вопросах ономастики. Обращаясь к символике национальной традиции власти, воплощенной в именах, уже ранее не раз становившейся предметом исследования, автор книги показывает, как в эпоху екатерининского правления происходит ассимиляция культа Софии-Премудрости Божией с образом св. Екатерины. Избегая в начале своего правления апелляции к своему первому, немецкому имени София, императрица со временем обращается к его символическому потенциалу, используя и исторические ассоциации с царевной Софьей, и греческое значение имени, к которому, по мнению Вачевой, отсылает силлогизм о счастье, вынесенный в начало последней редакции записок.

Третья глава анализирует тот фон, на котором Екатерина изображает в мемуарах себя, то есть двор и русскую дворянскую элиту. Литературной параллелью в этой главе Вачева выбирает роман Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий», коллективный перевод которого Екатерина организовала во время своего путешествия по России, и один из самых популярных и значимых для русской дворянской культуры этого времени романов — «Приключения Телемака» Ф. Фенелона. Вачева обращает внимание на то, что почти все сцены из придворной жизни, будь то двор Елизаветы или малый великокняжеский, описаны в духе сатирического бытописания. Так реализуется педагогический дискурс в духе названных выше романов: герой-претендент на престол наблюдает разные иностранные дворы и на основе этих наблюдений делает моральные заключения. Русский двор, статичный, погруженный в свои мелкие интриги, выгодно оттеняет образ императрицы, ассоциирующейся с добродетельным и энергичным будущим правителем, какими были и Телемак, и Велизарий. Вводя через оппозицию собственного образа и своего придворного окружения тему противопоставления закона и нравов, Екатерина также подключает оппозицию елизаветинского прошлого и собственных прогрессивных убеждений в разных областях (отвращение к деятельности Тайной канцелярии, особое отношение к женскому равноправию, владение галантной культурой, наконец, декларативная нелюбовь к Москве). Здесь Вачева опять сравнивает редакции, подчеркивая, что по мере отказа от правоописательной концепции автобиографии в пользу концепции трактата о будущем государе Екатерина перерабатывает эпизоды, связанные с придворной жизнью, сокращая подробности, но выбирая и расцвечивая самые показательные из них и обладающие наибольшим повествовательным потенциалом.

В последней главе подробно проанализированы приемы, которые использует Ека-

терина, противопоставляя себя своим главным оппонентам в исторической перспективе: императрице Елизавете и Петру III. Супруг Екатерины и ее непосредственный предшественник на престоле является ее очевидным антагонистом, и этот контраст все более подчеркивается от первой редакции к последней за счет тенденциозного усиления его отрицательных качеств (физическая слабость и моральная распушенность, незрелость, склонность к фальши и равнодушие к вверенной ему стране, ее культуре, вере и т. д.). Оппозиция с Елизаветой Петровной не столь однозначна. Екатерине важно было подчеркнуть свою преемственность по отношению к Елизавете как к дочери Петра I, поэтому она, всячески акцентируя свою мнимую объективность, обращала внимание читателя на несомненные (и также присущие и ей самой) качества Елизаветы, такие как физическая привлекательность, внимание к людям, чувствительность, патриотизм, рационализм, проницательность и решительность, справедливость. В то же время, Екатерина не упускала возможности показать, что Елизавета была также наделена рядом отрицательных черт, недостойных монарха и отсутствующих у автора записок: грубость, суеверность, женская зависть, мелочность, самовластность, неупорядоченность жизни, любовь к роскоши и комфорту, непоследовательность и нежелание заниматься делами.

Через триаду «Екатерина — Петр III — Елизавета» Вачева выходит на тетраду, включающую Петра I. С образом Петра I для Екатерины, с одной стороны, связывалась очень важная для нее тема политического и исторического бессмертия, а с другой, ответ на вопрос о престолонаследии, облученный в философскую интерпретацию долга и личности монарха. История с царевичем Алексеем, которым Петр пожертвовал ради блага нации, позволяла Екатерине подойти к мысли о том, что монарх выбирает наследника по заслугам, а не по крови, и таким образом отказаться от прямого ответа на вопрос о происхождении ее собственного наследника, Павла Петровича. Вачева остроумно замечает, что в последней редакции Петр III выступает как пародийный двойник Петра I, демонстрируя негативный потенциал будущего тирана, чем лишний раз подчеркивается его несостоятельность на троне. С другой стороны, параллель между собственными свершениями и деяниями Петра I, очевидно, с возрастом все больше увлекала императрицу в контексте размышлений о бренности земного бытия и исторической памяти и с опорой на современных ей философов. Вачева предлагает рассматривать автобиографию как своеобразный комментарий к знаменитой надписи на памятнике Петру I, Медном всаднике, подчеркивающей не только политическую преемственность, но и преемственность в праве на бессмертие.

Здесь нельзя не отметить композиционную стройность всего замысла дилогии Вачевой: от анализа психологических особенностей и личности молодой великой княгини в начале первой книги она, следуя логике постепенного изменения анализируемого текста и логике жизни своей героини, в последнем разделе подходит к рассмотрению темы вечности и бессмертия, к которой, по ее мнению, вплотную подошла Екатерина не только к концу жизни, но и в последней редакции своих мемуаров.

В заключении автор монографии еще раз подчеркивает основные положения своей дилогии: анализ уникального исторического опыта императрицы Екатерины II (как женщины, правителя, человека), отраженного в нескольких редакциях ее мемуаров, возможен только в контексте привлечения разных повествовательных традиций и подключения авторитетных текстов разных эпох и национальных литератур. По мнению автора книги, Екатерину отличало безграничное тщеславие, позволившее ей увидеть в самой себе воплощение идеального монарха и образец для потомков. В ее облике, представленном в записках, дано сочетание универсального и национального, прошлого и настоящего, здравого смысла и преднамеренного риска, и именно эти обстоятельства обусловили ее право на бессмертие.

Убедительность этого вывода отчасти подтверждается приложением, в котором рассматриваются некоторые аспекты бытования текста екатерининских мемуаров во второй половине XIX столетия. Не углубляясь в достаточно исследованную, но еще таящую в себе много вопросов историю первой публикации записок, Вачева обращается к репутации Екатерины II и к неоднозначному восприятию А. И. Герценом личности императрицы. Автор монографии рассматривает этот

аспект как эпизод борьбы Герцена за переосмысление прошлого России. По мнению Вачевой, Герцену импонировала молодая и энергичная великая княгиня, и в самом ее последующем правлении ему многое нравилось на фоне эпохи Николая I. Но важнее для него был актуальный контекст событий второй половины XVIII века. Сам факт царствования Екатерины был свидетельством того, что монархия неорганична для России. Спорная легитимность династии работала на его политические взгляды, так как утверждала аморальность самой системы, ее пренебрежение духом народа. Особенно интересным в этом разделе представляется параллель издаваемых Герценом записок Екатерины с написанным им в то же время (1858) письмом императрице Марии Александровне о воспитании наследника престола. Рассказ Екатерины об обстоятельствах взросления Петра III и об их браке оказывался в злободневном контексте обсуждения вопросов семьи и детского и женского образования и оживлял интерес к самой фигуре императрицы.

В заключение следует отметить, что автор книги несомненно находится под определенным обаянием своей героини, что лишний раз свидетельствует о таланте венценосной мемуаристки и об успешности ее писательской стратегии. Тем не менее, дилогия Ангелины Вачевой представляет собой объективное, тщательное и построенное на строгих научных основаниях исследование, которое дает ответы на многие вопросы, стоявшие перед исследователями мемуарного творчества Екатерины II. Более того, книга нередко выходит за рамки изучаемого материала и является значительным вкладом в изучение общих вопросов истории и литературы русского и европейского XVIII века, а также некоторых теоретических проблем литературоведения.

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-3-258-259

© Р. Ю. Данилевский

ВТОРОЙ «ЛЕРМОНТОВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК»*

Русское лермонтоведение пополнилось вторым выпуском «Лермонтоведческого сборника». Как и первый выпуск (2014 года),¹

* Лермонтоведческий сборник / Сост., автор предисловия и прим. Н. С. Беляев; науч. ред. Г. В. Бахарева. СПб.: БАН, 2016. Вып. 2. 149 с.

¹ Рец. на него см.: Данилевский Р. Ю. Событие в лермонтоведении // Русская литература. 2015. № 4. С. 180—182.

это издание представляет собой, во-первых, буквально кладезь ценного архивного материала и, во-вторых, оно значительно дополняет сведения об истории «Лермонтовской энциклопедии». Можно сказать и иначе: материалы сборника открывают заинтересованному читателю прелесть «кухни», детали повседневной работы по «строительству» того огромного, многоэтажного здания, которое остается в сокровищнице русской книжности как «Лермонтовская энциклопедия». Если бы не неиссякаемая энергия и талант